

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. редактор Мыльников А. С., 1989. 300 с.

Нарастающее междисциплинарное взаимодействие в сфере изучения феномена культуры разностадиальных и разноэтнических общественных структур — процесс, плодотворный прежде всего для самой культуры. Взаимодействие стимулирует также расширение научного видения исследователей, способствует обретению ими новых подходов и методов раскрытия бесконечных культурных «граней», пониманию «языка культуры».

Дифференциация наук породила узко специализированную терминологию, в которой за общими для разных дисциплин терминами не всегда скрывается одно и то же содержание. Выработка междисциплинарного языка, способного обобщить культурологические понятия и категориальный аппарат, — одна из важных задач общественных и гуманитарных наук. До той поры будет сказываться известная неадекватность терминов, формулировок и названий, с одной стороны, проблематики, содержания или тематики комплексных исследований — с другой. До некоторой степени это положение относится и к настоящему изданию. Прошу прощения у авторов и составителя-редактора сборника за критический «зачин» рецензии, но он им не страшен, поскольку данная книга — своего рода событие в научной жизни, а для собственно этнографии она к тому же констатирует результативность подобных творческих союзов.

Итак, о соотношении названия и содержания сборника. В слове «От редактора» (с. 5) сообщается, что статьи объединяются в два «смысловых блока»: работы, посвященные «общетеоретическим вопросам изучения этнической специфики знаковых средств вербальной и невербальной коммуникации» (А. С. Мыльников, В. В. Иванов, А. К. Байбури, А. Л. Топорков, Г. Н. Грачева, Я. В. Чеснов), и работы, в которых «прослеживаются способы этнознаковой объективации материальных и духовных форм культурной деятельности» (Ю. В. Иванова, А. Д. Бурман и др.).

Однако «смыслового» противопоставления в этих выделенных блоках по существу нет: указанные и все «др. авторы» в той или иной степени работают на конкретном этнокультурном материале, имеют общую цель — изучение «знаковых средств культуры» (вербальных — невербальных, материальных — духовных, коммуникация — информация и т. д.), и все они по-своему стремятся к теоретическому осмыслению анализируемого. Но разделение основной группы статей на блоки все же напрашивается, правда, по другому принципу. Так, к первой группе, которую мы бы назвали «Проблемы этносемиотики и ее использование в этнографическом изучении языка культуры», относятся статьи А. С. Мыльникова — «Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой информации», В. В. Иванова — «Проблемы этносемиотики», А. К. Байбурина — «Семиотические аспекты функционирования вещей», А. Л. Топоркова — «Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры». Вторую подгруппу статей можно объединить названием «Этническая специфика символических форм в традиционных культурах»: Я. В. Чеснов — «Шаг Майтрейи: некоторые аспекты изучения кинесики», Г. Н. Грачева — «Этнические особенности языка культуры», Ю. В. Иванова — «Поведенческие стереотипы: обряд примирения кровников в горных зонах Балкан и на Кавказе», М. Н. Серебрякова — «О знаковой функции народного костюма (на примере костюма невесты чепни в Турции)», Н. Ж. Шаханова — «Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов», Ю. В. Ионова — «Символы в сезонных обрядах сельских общин Кореи (конец XIX — начало XX в.)», Л. Л. Викторова — «Об этнической специфике культуры (на примере некоторых народов алтайской языковой семьи)», А. Д. Бурман — «Художественный язык бирманского театра».

В предлагаемой систематизации статей сборника нетрудно заметить обусловленность, вытекающую из различных профессиональных, а следовательно, методологических и методических позиций исследователей. Авторы первой подгруппы, за исключением А. С. Мыльникова, — лингвисты (в том числе ставшие и этнографами: А. К. Байбури, А. Л. Топорков), владеющие семиотикой и с ее помощью разрабатывающие этнографическую «ниву»; авторы другой подгруппы — профес-

сионалы-этнографы, овладевающие семиотическим направлением. В этом творческом союзе нам и видится главный смысл, значимость сборника в целом, «объективирующего» нерасчлененность культуры, многообразие способов познания и изучения ее языка. Поэтому более приближенным к содержанию сборника мне кажется название симпозиума, предшествующего его появлению (1983 г.): «Проблемы этнической специфики языка культуры».

Три последние статьи сборника: А. Д. Дуличенко — «Литературный язык как средство этнической ориентации (на материале славянских микроязыков)», В. В. Морозова — «Этикет реальный и этикетность искусства: русский дипломатический церемониал» и А. А. Амосова — «Иерархия цвета в миниатюре как отражение этикетных воззрений русских художников XVI в. (по материалам «Лицевого летописного свода)» — имеют, откровенно говоря, весьма косвенную связь с целью, проблематикой и материалом данного коллективного труда. Вместе с тем «запас этнокультурной информации» (с. 6), который содержат две последние статьи, несомненно ориентирует этнографов на привлечение такого источника, как профессиональные формы культуры, корни которой находятся в народной традиции (об этом ниже).

Статьям «лингвистической» подгруппы авторов свойственны, как обычно, высокая степень теоретичности, концептуальность, широкий срез этнического (и полиэтничного) материала, убежденность в выводах. Этнографу-традиционалисту» (каковым я считаю и себя) еще не пришло время вести с семиотиками разговор «на равных»; отношение этнографов к семиотическому направлению пока выражается в основном двумя диаметрально противоположными способами: «очарованность», ведущая к подражательности (в постановке проблем, в языке), и абсолютное неприятие (этнография «самодостаточна»). В редких случаях включения семиотики в этнографическое сознание она способствует поиску, переосмыслению старых этнографических методов и аспектов, в результате чего расширяются научный кругозор, языковые возможности, обнаруживаются новые проблемы и тематические ценности этнографического культурного «поля». На мой взгляд, этносемиотика — один из самых живительных путей для развития этнографии, способный вывести ее из определенной стадии «застоя». Это направление, в отличие от других, включая и достаточно перспективное сравнительно-типологическое, позволяет исследовать глубокие и широкие закономерности не только при сопоставлении разноэтничного материала, но и в динамике одного этноса (реконструкция).

В свете вышесказанного очевидно, что этнограф, обратившийся к «языку культуры», уже не может пройти мимо статей В. В. Иванова (хочется добавить и В. Н. Топорова), будирующих воображение и заставляющих лучше использовать преимущество своей области знания. Примерно тот же эффект имеют методико-теоретические разработки и обобщения А. К. Байбурина, работающего над языком вещественного «инвентаря» восточнославянской культуры и, как демонстрирует статья в настоящем сборнике, вписывающего его в контекст «мирового» языка. Методическое сочетание этнолингвистики с этнографией помогло А. Л. Топоркову найти свою позицию в изучении символического функционирования вещей; в сборнике его статья развивает, дополняет некоторые положения А. К. Байбурина и отчасти дискутирует с ними. В возглавляющей сборник статье А. С. Мильникова наряду с важной реализованной задачей автора как составителя сборника мне особенно близок неоднократно повторенный призыв ко всем изучающим этноспецифику языковых средств: стремиться не «к умозрительным их толкованиям, а на основе анализа фактического материала» (с. 27).

Более подробно прокомментируем этнографические статьи.

Самое сильное впечатление производит статья Г. Н. Грачевой: это пример высокого уровня исследования «на стыке» дисциплин, в котором максимально проявлен и «задействован» этнографический потенциал автора и как полевика, и как теоретика. В профессионализме Г. Н. Грачевой всегда ощущается глубокая личная причастность к культуре изучаемого ею народа (нганасаны), и именно это качество, я убеждена, предостерегает автора от поспешных, необоснованных и категоричных выводов. Этот же нравственный подход сообщает острое зрение, видение незримых для «стороннего» наблюдателя сложнейших символических связей и «языковых» соотношений: «Когда мы обращаемся... к языку культуры как к специфической семиотической системе, объективирующей всю духовную жизнь общества, трудности перевода... неизмеримо возрастают. Сложным оказывается... даже простое фиксирование этнокультурной традиции и еще более сложной — ее интерпретация» (с. 102).

Чрезвычайно интересна статья Я. В. Чеснова: обобщение междисциплинарных достижений в области изучения кинесики позволило автору очертить ее семиотические возможности для этнографии. Собственно, образ Майтрейи-Будды, упомянутый в начале и конце повествования, явился скорее поводом к научным изысканиям автора на широком полиэтничном материале. Лично я извлекла из этой работы ряд идей и сравнительные примеры, подтверждающие мои наблюдения над символическим языком игровой культуры русской молодежи, оперирующим универсальными (как мне теперь ясно) формами кинесики с архаическим значением «жизнедеятельность»: например, доминирующая семантика игровой поведения, выраженная в терминологической триаде «сидеть — стоять — ходить». Добавлю, что собственный исследовательский опыт сделал меня сторонником тринарных, а не бинарных оппозиций.

В статье Ю. В. Ивановой хочется отметить любопытный и отрадный факт приоритетного значения архаического стереотипа поведения участников кровной мести в огромном горном ареале с разноэтничным населением. И на позднем этапе культуры этот стереотип переключает профессиональные различия двух противоборствующих религий — христианства и мусульманства.

Символическим функциям предметов посвящены статьи М. Н. Серебряковой, Н. Ж. Шахановой, Л. Л. Викторовой.

Опытный и скрупулезный этнограф М. Н. Серебрякова обращает внимание на конфессиональные особенности знаковых средств одежды чепни-шитов, их «тайнопись», возникшую в связи с необходимостью скрывать свою веру. Статья ценна обилием народных названий, с переводом и этимологическими сопоставлениями в тюрко-персидских языках. Интересный, но несколько пространный для размеров статьи (с. 158—161) сюжет о шитах вызывает ассоциации с поведением оппозиционных официально православию групп староверов и сектантов в России. Автору хочется задать один вопрос: не возбуждали ли подозрения у преследователей знаковые отличия скрывающихся (ведь тем самым они себя и обнаруживали)?

Конкретная, написанная на основе лично собранного полевого материала работа Н. Ж. Шахановой «грешит» одним недостатком: непереносимое желание объяснить происхождение символических актов (предметных функций) и включить их в ту или иную семантическую классификацию. Такая торопливость пока не оправдана: у читателя не создается впечатления, что автор имеет полное знание о символической системе казахской культуры.

Л. Л. Викторова ставит важный вопрос о причинах устойчивости некоторых элементов знаковой системы в хозяйственно-культурном типе центральноазиатских кочевников. Автор рассматривает во взаимосвязи процессы динамики культурных явлений и элементы стабильности (ориентировка в пространстве, убранство юрты, одежда, пища, система мер).

Для реконструкции сложнейшей символики календарной обрядности корейцев Ю. В. Ионовой явно не хватает материала. Этот «пробел» автор старается восполнить абстрактными рассуждениями о значении символики и семантики, предваряющими конкретный анализ и иногда повторяющимися почти дословно (см., например, с. 191 и 196). Некоторые заявления и формулировки либо неточны, либо устарели, в частности: «Проблема генезиса и происхождения (это не одно и то же? — Т. Б.) календарных праздников... до сих пор не получила однозначного (? — Т. Б.) решения» (с. 195); «Превратные (? — Т. Б.) представления (корейцев. — Т. Б.) о сверхъестественных силах и свойствах... предметов и явлений природы» (с. 195) и др.

В статье А. Д. Бурман привлекает прежде всего принципиальный подход к изучению культурного явления (с. 226). Выбор автором спектакля как «единого комплекса различных текстов культуры» (с. 243) может быть с успехом использован и при анализе традиционной культуры (ритуал, игра, праздник).

Не останавливаясь на статье А. Д. Дуличенко, требующей специального языковедческого анализа, обратимся к двум последним статьям сборника.

У обеих работ единый источник — русский «Лицевой летописный свод». Отечественное рукописное наследие — ценнейший этнографический источник, этнографами пока совершенно не освоенный. Вместе с тем даже первое соприкосновение с ним заставляет по-иному взглянуть на многие стороны традиционной культуры, осторожнее относиться к понятиям «первичное—вторичное», увеличивает диапазон учета элементов символического языка народной (традиционной) культуры. С этой точки зрения появление данных статей в сборнике симптоматично, оно, по крайней мере, ставит перед этнографами вопрос: а что можно конкретно извлечь из этого источника? В последующих замечаниях к статьям я постараюсь указать на некоторые возможности этнографического использования подобных материалов.

Жаль, что в сборнике не предусмотрены иллюстрации, ведь обе статьи построены на миниатюрах — как анализ символики позы—жеста, цвета. К сожалению, «принципиально важная» для В. В. Морозова идея Д. С. Лихачева о попытке миниатюристов «превратить пространство изображения во времени рассказа» (с. 267) остается «ружьем, которое не стреляет». Думается также, что автор более бы преуспел в своем анализе, если бы выявлял «мирской» характер символики дипломатического церемониала в контексте символической пластики иконописно-миниатюрной образности (например, царский писец — евангельский Прохор). Для этнографов могу добавить, что о «бытовизации» библейско-евангельских событий в древнерусской миниатюре говорил еще Ф. И. Буслаяв; «бытовые» сцены миниатюрного канона получали своеобразную интерпретацию в народном изобразительном искусстве (главным образом в росписи). Статья А. А. Амосова посвящена очень важной и крайне не разработанной на восточнославянском/русском материале теме русского цветообозначения имеет существенные разночтения этнорегионального характера как в иконописи (см. специальные труды искусствоведов), так и в народной культуре (все виды изобразительного искусства, фольклор). Особая сакральность цвета (например, всего цветового спектра) скрывалась за как будто бы однозначными понятиями типа *лазоревоый*, *яхонтовоый*, подразумевавшими различные цветовые оттенки; цвет табуировался или менял свою «природу» в соответствии со сменой магических или ритуальных ситуаций, и многое другое.

В конце хочется высказать свое мнение относительно термина «этикетность», которым активно оперируют оба автора. Возможно, он и допустим в отвлеченном искусствознании. Этнографу же необходимо считаться и с церковной, и с народной обрядово-религиозной терминологией, в которой связь человека с Христом (божественными силами) обозначалась особыми символическими понятиями и языком, отличавшимся от терминов коммуникации между людьми.

В заключение подчеркнем научную значимость вышедшего сборника: он рассчитан на более широкий круг специалистов, нежели тот, что указан в аннотации; я бы добавила религиоведов, искусствоведов, филологов, фольклористов.

Т. А. Бернштам